

МЕРАЙЛИ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

Микропоэмы

© Мерайли, 1977–2012

[*http://unism.narod.ru/mer*](http://unism.narod.ru/mer)

[*http://unism.pjwb.org/mer*](http://unism.pjwb.org/mer)

[*http://unism.pjwb.net/mer*](http://unism.pjwb.net/mer)

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Лики

Когда чего-то в жизни нет —
является могучий гений
и щедро льет прозрения свет
в души неразвитых творений.
Так, понемногу, и растем:
под солнышком цветом, как розы,
впиваем мудрость — после дозы
горланим пьяным соловьем...
На то еще одна наука:
произвести прозрачность звука,
нарифмовать на сто рублей,
метафоры, анжамбеманы,
размер — затейливый и странный,
и в довершение икебаны —
моральный кодекс покруглей...

Мы все чему-то там учились.
По части правильных стихов
нам эталонов — пароход!
Так что в компот без головы лезть?
Крути колеса, жми педали, —
чтобы в конвульсиях рыдали
музы, вразброд и в унисон, —
и спился с горя Аполлон.

Кому захочется всерьез —
пожалуйста, поэты вузы!
На жизнь хватает — не вопрос.
Мошна не выдержит обузы?
Ну, есть попсовые союзы,
гитарный вой, салонный шик,
благоволение энной дамы
(или мужика — коль не мужик),
корпоративные программы

под светлый праздник, сюк в пеленки,
пляжные конкурсы, парад,
патриотический плакат —
да лапа в местной газетенке.

Только, пардон, не писать в стол!
Читателям не все равно, что
про них марают. Да и то,
какой ты, к дьяволу, поэт
коль ни соседка, ни сосед
не поимеют ни листочка?
Ни сдать в макулатуру том,
ни посадить в эпитаф строчку,
ни подтереться в туалет...

Так учат нас с иконостаса.
Есть правила. Примеров масса.
И только полный раздолбай
не сможет при таком раскладе
стишат охалку налабать —
и даже не чего-то ради,
а просто чтобы шел прогресс,
и связь времен не барахлила,
и современность не забыла,
кто придает объем и вес
невысказанности мечтаний;
пусть мир когда-нибудь устанет
чесать творцов против шерсти —
и выдаст пару предписаний
в разряд великих перейти.

И тут же в новеньких отыщут
сплошной шарман и комильфо:
игрушечную легкость форм,
эссенцию духовной пищи,
и озорство, и живость чувств, —
чтобы нам не запахло ничуть
хавать любую ахинею...

Конечно, я и так умею.
Но, извините, не хочу.

Прощайте, музочки мои!
Вы мне отнюдь не надоели,
И рад бы в ваши соловьи,
под кружево и под вино,
от глаз и губ — до между ног;
и зад, и груди, — все при деле,
сплошное вдохновение... — Но
является мохнатый черт
с ранья, и тащит из постели
туда, где смрадный век течет:
в окопы, в гетто, в лагеря,
за взорванные колоннады,
где страх и подлость, гной и грязь,
сплетни, поповские тирады,
хапуги, торгаши, — и надо
хоть каплей пота — чтобы не зря,
чтобы не пригреть под сердцем гада.

Долой игривости и лесть!
Пройдемся рашпилем по струнам.
Плевать, что местная фортуна
вставит опять за прямоту нам...
Волков бояться — в лес не лезть.
По буреломам, по болотам, —
нет сил... Но сдохни — а служи.
Простая черная работа:
свободу отличить от лжи.

На всех не хватит баррикад.
Слова, известно, не горят —
ни в петлю, ни на плаху... Шеи
им не дано. Но тем труднее,
не облубочивши в плакат,
не ..., не ..., и много прочих «не», —
без показушности эмоций,

грубить, пахать по целине, —
 по существу, а не в цене;
 в мозолях рук, в поте лица,
 кому-то все-таки придется:
 вперед, назад, длинней, короче, —
 гнать злую кровь конкретных строчек
 в чьи-то конкретные сердца.

За это премий не дают
 и тосты не провозглашают.
 Пусть бы ползучий — но уют
 получка — хоть и небольшая...
 Красивым фантиком купить,
 гнилой чернухи наклеить —
 тут критика навозных дней
 все соблюдет, не оплошает!
 Но есть суды и пострашней.

Беда не в том, что всюду беды,
 а в том, что вдохновенный труд —
 лишь от забора до обеда,
 пока надсмотрщики дают
 команды, казначеи — бонусы,
 жены — мужьям, муж — от жены;
 пока строители — стройны,
 пока любовники — любовны...
 Побывать минутку человеком.
 Потом, в привате, — тот же скот.
 А что? Имеем право. Вот.
 И время пафосно вперед
 летит, летит! — но в ногу с веком.

Не надо ближних огорчать.
 И корчить из себя пророка.
 Инконтинентная моча —
 зачем? И роды раньше срока.
 Горячка, знаете ли, — симптом.
 Пусть эхо в сумраке пустом

как десять джунглей завывает —
опять же, скажем: ну и что? —
и все в порядке с головами!

Порядок — это хорошо.
Или, как минимум, пристойно.
Младенцу — в люльке нагишом.
Торговцу — торг. Солдату — войны.
Что неприятно — непонятно.
Что неприемлемо — вредно.
Когда позор от взора скрыт —
вроде, и не совестно оно...
Дело поэта — сочинять,
а не чинить, и не вчинять,
и уж тем паче не драконить
то, что у нас — в нашем законе —
возможно за умы принять.

Прокукарекал — и в кусты.
Кому на свете нужен ты?
Таких тут — полкопейки пара.
Мы честолюбию чужды:
есть только слухи и следы —
и от любой белиберды
нам нет ни холода, ни жара.
Признаем, если захотим.
А не признаем — так съедим.

Вот так. Невидим и не нужен,
один, — грызи себя на ужин,
сопи в две дырочки и жди:
авось, Вселенная по дури
поддатый фортель учудит —
и будешь ты в литературе,
и сгинут в заднице вожди...
Ну а покамест — тише мыши.
Как ни кричи — никто не слышит,
как ни старайся — не поймут...

Богат талантами народ —
но через бездны не дозваться:
иной раз нескольких минут
звезде хватает, чтобы взорваться, —
за миллион веков дойдет.

И ладно. Кто не вышел в люди —
хорош уже хотя бы тем,
что им насильно мил не будет.
Логично, по большому счету.
Дурак загнется на кресте,
а умный — из воды сухим...
В завидки лезть? Была охота!
Нет. Просто знать, мечтать, работать...
Ну и — немножечко — стихи.

1984

Эхо

У кого память мала,
у того жизнь коротка.

Пословица

Как мало помню я.
И даже этот стих,
добившись бытия,
уйдет из губ моих:
несовершенный вздох, вопрос —
как лунный след
по травам в пене рос...
Он был — его уж нет.

И надо бы удержать
любовь, или печаль...
Нельзя: тени дрожат,
горит свеча, —
и лики над столом...
Когда вернется свет, —
с кем вспомнить о былом?
Кто был — того уж нет.

Маятник, метроном...
Из века в век растут
дождинками в окно,
кружева партитур.
Сгладит чужая даль
реликтовость сует:
нигде и никогда.
Мир был — всего уж нет.

Неуловимость сна.
Неузнанность планет.
Не память. Не вина.
Жил-был — и больше нет.

Случилось так, что я достиг предела.
Пора в обратный путь.
Простите, зеркала, за все, что недодал и недоделал.
Быть может, я вернусь, когда-нибудь.
Должное — произошло. Сужденное сбылось.
Стремился к вам, мечтал...
Искал для встречи самых добрых слов.
Но лишь коснулась кисть холста —
застыли краски. Лед, бездонность.
Издаലെка — игра лучей,
волнение, жизнь, дорога к дому,
свет путеводный... И опять — ничей:
всего лишь отблеск, эхо, бред.
Ложь будущих воспоминаний.
Что знает январь о декабре?
И ждет ли осени весна?
И снова сны о снах, слова для слов, —
до новой неожиданной границы
иллюзий и обмана... Разбиться, раздвоиться:
еще не здесь — или уже ушло?
в пустом пространстве, в равнодушной плоти?
а может быть, везде
и сразу? — в изнурительной работе,
во вдохновенном, творческом труде...
И потому
наперекор всему,
после несметнолетий бездорожья,
наицелительнейшей среди панацей, —
дорога вспомнит о своем конце.
Да только, вот, возможно ли?
Возможно.
Там будет все, чему призвание — быть,
чью истину не смыть ливням сомнений,
и каждый звук — знамение судьбы,
и каждый миг — ее преодоление;
незачем спрашивать, не надо ждать ответа,
протестовать, свершать и завершать:

любое дело, каждая душа, —
благая весть для всех — важна и неприметна...
Там и тогда, — не для, не вопреки,
а сущностью, материей и частью,
единственностью ноты и строки, —
я мог бы с моим миром повстречаться,
где руки — не для цепей, шеи — не для плах,
свободен труд, разум неисчерпаем, —
где ни одна утраченная память
уже не отразится в зеркалах.

Просто вода.
Падает сверху вниз.
Молча слушать.
Забыть про рифмы.
Не вспоминать.
Не угадывать.
Неважно,
который час
на этих мокрых часах,
по которым живое
узнает о живом.
В конце концов
туман превращается в чье-то небо,
реки возвращаются в облака,
чтобы их снова слушать.
Надеяться.
Воображать себе.
Как было бы замечательно...

Незаметность.
Ужас повседневной свободы.
Есть ноты —
но никто не нуждается в музыке.
Неприкаянные тени.
Увядание само по себе.
Звезды не зовут.

И частицы
какие-то очень уж элементарные...
Тысячу слов найти —
не хватает слова.
Пройти сто тысяч путей —
не завершен путь.
Творить
свою несотворенность.
Пламенное тепло —
в пустоте.
А было бы достаточно...

Я бы хотел
стать каждою каплей дождя,
каждым ударом часов,
пульсом Вселенной,
ее первородной тканью,
корнем цветка
на берегу ручья,
впадающего в океан
бесконечно далекой галактики,
спрятанной в недрах нейтрино,
танцем и сказкой,
скромным *basso continuo*,
надменностью первой скрипки,
пультом и палочкой,
взмахом и взглядом,
всеми, кто там, в глубине, —
а значит,
каждой ложбинкой и бугорком
непостижимо знакомого тела, —
раствориться
в проникновенности наготы,
и через это —
стать, наконец, собою,
кто помнил, был и хотел...

Но я не хочу.

Когда встречаются любовь и слепота,
когда слепит влюбленность неземная,
не узнавать любя, любить не зная, —
вот заповедь, блаженство и мечта.
Взываем к истине... А истина проста:
забыться, ни на миг не забывая, —
пусть радуется плоть, пока живая,
хоть капле в дождь, хоть яголке с куста...

Весь мир — театр. Играйте. В этой роли
нет лишних слов. И грустно, и смешно —
а все одно, и так заведено,
что правда в рубище, шут на престоле, —
и поровну достойны лучшей доли,
кому ее дождаться суждено.

Семь красок — радуга. Семь бед — один ответ.
Любви легки ее слепые цепи.
Оракулы, знамения — милый лепет,
не грозный знак, а дружеский совет.
И нет судьбы, и будущего нет.
Вот так: чем совершенней, тем нелепей.
В душе и на висках постылый пепел —
но в нем-то совесть и теряет след!

Божественной невинностью руки,
мгновением, нечаянно разбитым...
Вроде бы, овцы целы, волки сыты...
Но звезды — бесконечно далеки.
Покинуты, убиты и забыты.
В холодной тьме — мерцают угольки.

Нет! Так нельзя! Сон
не может быть настолько глуп.
Дело житейское: даже пятое колесо
прилепиться где-нибудь в углу...
Со всеми комплексами,

несмотря на дикую дурь,
и я в глубинах какого-то космоса
местечко себе найду.
Не бывает,
чтобы совсем без конца.
Ночь над смертными головами —
в атаке звездная конница...
А выше небесной черноты,
беспросветные дали где,
что-то о чем-то
звезда говорит звезде.
Особое призвание —
вслушаться, понять: кто с кем?
какими такими словами?
на каком языке?
Давайте без пошлой физики.
Вы правы — только на что мне?
Великих теорий огрызки:
кварки, лептоны, гравитоны...
От них никуда не деться.
Но, хоть какие лагранжианы рисуй, —
это всего лишь средство,
а не суть.
По-настоящему склеить
разрозненности бытия —
полезны другие умения...
Вот здесь и живу я.
Мириады раз, из конца в конец,
из вечности в вечность...
Пусть заново мир родится во мне —
по-человечески.
Он сам по себе, он ни для кого, —
он все, и один на всех он...
но повторит все тайны его
мое негромкое эхо.
И я, блуждающий отзвук и блик,
мираж, марево далеких вершин,

величием великих полон, и велик, —
един, и на всех один.
Кто чье воплощение?
Кто в ком отражен?
Бесплотность вещей —
их долг и закон.
Всеобщая связь, история, —
немыслимы, недостижимы
без одиночек, которые,
как я, мгновением живы.
Пока летишь, мчишься,
таешь в самозабвении, —
легко взрослеть и учиться;
но мудрость — тоже мгновение.
Путь — ожидание пути.
Суметь бы всеми существами
беспамятность ощутить
как истину и призвание.
А если из бестелесности
устанем звенеть и мерцать, —
погаснем и не воскреснем, —
ну что же, пусть что-то помнится.
Да здравствует твердь свершений!
Обетованный край.
Отдых телу, бальзам от душевных
драм и травм.
Полированность камня и меди,
Серебро, стекло, — водная гладь...
Самые правильные и заметные
превращаются в зеркала.
Другим от них отражаться, лететь,
в гулких пустотах звучать —
чтобы ни совести, ни тени,
ни памяти за плечами...
Они прикоснутся — и раструбят
в потомках оракул взеркаленный...
Но лично меня такая судьба
не ждет — и не привлекает.

Граждане! Минуточку внимания!
Допустим, звезд не хватал с небес.
Но я в упор не понимаю,
зачем вы нужны себе.
Моей палате — нетолстый ум.
Просторы не те.
Но вы-то, кумиры, властители дум, —
где ваше грандиозие тем?
Казалось бы: раз уж пришел —
давай, делись, оправдывай! И что же?
Тут теоремка, там стишок...
Так, всего понемножку.
Смех, да и только. Шум пустой.
Благородная отрывка.
И даже любовь — черт знает что.
Ангелочек с крылышками.
Не спорю, любой почетен век,
когда не корысти ради —
когда за звериным человек,
хотя бы в теории, найден.
И все же мечтается хоть иногда
ослепнуть, замереть в ознобе
восторга, зависти, стыда:
вот, ведь, народ на что способен!
Нет, много в мире правды — но не та.
Приходится бродить уныло
в дебрях намеков, в лабиринтах форм,
отточенных — хоть вены режь, — но в жилах
всего лишь кровь, все тот же дикий фон
для смутно воображаемой картины
того, куда хотелось бы расти...
Нет, не дано. И надо ждать,
копить крупички, блески, отголоски...
Перепополняться — и выплескивать
во что угодно: в музыку дождя,
в пламя свечи, в блаженство лунных рос,
в ночную роскошь звездной паутины,
во все, чем стать, увы, не довелось.

Белая бумага, черный карандаш.
Зашторить чувства, занавесить мысли...
Уйти. Исчезнуть насовсем.
Не быть, неторопливо переписывая
витиеватости дряхлеющих поэм.
За горизонтом — новый горизонт.
В глубинах тайн — другие тайны.
Брести из эпизода в эпизод,
без твердых нот и ясных очертаний.
Пусть не поверят, и не подойдут,
и не дадут ни дела, ни покоя, —
здесь никого, свободно и легко я
своим путем в неведомость иду.
Когда не остается ничего,
и нечему произойти, случиться, —
придет пора забыть и сохраниться,
и слово дать — но не сдержать его.
Мой голос станет вами, канет в Лету.
Бедой ли, наваждением кружим —
но, отзываясь красоте и свету,
я долго жил,
я слишком долго жил.

1983 ... 1984

СОДЕРЖАНИЕ

Лики	3
Эхо.....	9